История восприятия стихотворения «На холмах Грузии...» показывает, что вместе с заглавием из общего поля зрения исчезло акцентированное Пушкиным авторское указание на его жанровую принадлежность.[42] В научной литературе стихотворение устойчиво именуется элегией, в то время как итогом его творческой истории стало превращение этого поэтического текста из элегии в образец антологический лирики, элегический субстрат которого был узаконен творчеством Шенье. В цитированной уже брошюре Уварова и Батюшкова об античной эпиграмме сказано: «Часто она не что иное, как мгновенная мысль или быстрое чувство, рожденное красотами природы или памятниками художества. Иногда греческая эпиграмма полна и совершенна, иногда небрежна и не кончена... как звук, вдали исчезающий».[43] Это и есть жанровый ключ к восприятию восьмистишия «На холмах Грузии лежит ночная мгла...».

М. Н. Виролайнен

изданий по тем же причинам, по каким лишилось своего заглавия стихотворение «На холмах Грузии...».

[42] Особая значимость этого указания следует из наблюдений В. Б. Сандомирской, подчеркнувшей, что, восприняв форму «отрывка», «фрагмента» как жанровую разновидность, «Пушкин в печати пользовался ею очень редко. <...> В журнальной публикации с такой пометой (“Антологический отрывок”) появилась лишь полная редакция “Идиллии” (“Подруга милая, я знаю отчего”). В сборнике 1826 года эту помету находим только в одном стихотворении — элегии XV (“Ненастный день потух”), а в “Стихотворениях Александра Пушкина” в четырех частях (СПб., 1829—1835) — лишь в оглавлении третьей части при следующих трех стихотворениях: “На холмах Грузии лежит ночная мгла. Отрывок”, “Поедем, я готов. Элегический отрывок” и “Каков я прежде был. Отрывок из Андрея Шенье”» (*Сандомирская В. Б.* «Отрывок» в поэзии Пушкина двадцатых годов. С. 80).

[43] «Арзамас». Кн. 2. С. 102.

СТИХИ «НА СЛУЧАЙ» КАК АКТУАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТОПИКИ

О послании А. С. Пушкина «<Н. Д. Киселеву>»

Ищи в чужом краю здоровья и свободы,
Но Север забывать грешно.
Так слушай: поспешай карлсбадские пить воды,
Чтоб с нами снова пить вино.

(III, 111)

© Е. В. Кардаш, 2022
DOI 10.31860/0236-2481-2022-36-133-147

Это стихотворение не принадлежит к числу значительных пушкинских произведений. Его адресат — Николай Дмитриевич Киселев (1802—1869), дипломат, брат П. Д. Киселева, С. Д. Киселева и В. Д. Полторацкой (урожд. Киселевой). В 1820—1823 годах он учился в Дерптском университете вместе Н. М. Языковым, благодаря которому, возможно, и познакомился с Пушкиным.[1] Неизвестно, когда именно это случилось; по выкладкам Т. Г. Цявловской, первая встреча могла произойти в Москве в конце октября 1826 года или в апреле 1827 года.[2] Определенно известно, однако, что Пушкин виделся с Киселевым весной — в начале лета 1828 года в Петербурге. В частности, они встречались в доме Олениных: Киселев был одним из претендентов на руку Анны Александровны Олениной и тем самым — соперником поэта, видевшего в Олениной будущую супругу. В беллетристических набросках в своем дневнике Оленина упоминает их рядом: «Пушкин и Киселев — вот два героя моего романа»;[3] судя по ее записям, она всерьез рассматривала Киселева как возможную партию.[4] Имя Киселева включено в перечень гостей, которых П. А. Вяземский в записке, отправленной 21 мая 1828 года Пушкину и А. А. Оленину, приглашал на «прощальный пикник» по случаю своего отъезда из Петербурга («...приглашаю <...> приступить к принятию потребных мер в отношениях <...> съестных, а тем паче питейных» — XIV, 20); позднее Вяземский интересуется новостями о Пушкине и Киселеве в письме Н. А. Муханову от 23 июня 1828 года[5] и о Киселеве — в письме Пушкину от 26 июля 1828 года (см.: XIV, 25). Вероятнее всего, Киселев участвовал в поездке на пироскафе в Кронштадт 25 мая 1828 года в компании Пушкина, П. А. Вяземского, А. С. Грибоедова, Олениных, С. Г. Голицына, А. Мицкевича и П. Л. Шиллинга.[6] Пушкин

---

[1] См.: *Пушкин А. С.* Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1928. Т. 2: 1826—1830. С. 246; *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 369. («Лит. памятники»).

[2] *Цявловская Т. Г.* Дневник А. А. Олениной // Пушкин: Исследования и материалы. 1958. Т. 2. С. 263. В письме к брату С. Д. Киселеву от 14 января 1827 г. Киселев упоминал о Пушкине, сообщая, что поэт пострадал за какие-то новые стихи; речь шла, по-видимому, о привлечении Пушкина к следствию по делу о стихах из «Андрея Шенье» (см.: *Герасимова Ю. И.* Архив Киселевых // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1957. Вып. 19. С. 77; Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 2. С. 228).

[3] *Оленина А. А.* Дневник. Воспоминания. СПб., 1999. С. 66.

[4] См.: Там же. С. 59—60, 63, 103—105; см. также с. 165—166, 168, 194 (примеч. А. Л. Агамалян и В. М. Файбисовича).

[5] См.: *Пушкин А. С.* Письма. Т. 2. С. 290.

[6] Подробнее об этой поездке см.: Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 80 (письмо П. А. Вяземского к В. Ф. Вяземской от 26 мая 1828 г.);

Пушкинский кабинет ИРЛИ

же упоминает его имя в письме к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1828 года, описывая беспорядочный образ жизни, который он вел в начале июня, после расстройства своих матримониальных планов.[7] Кроме того, в автографах поэта ПД 838, л. 25 об. (довольно близко к черновику помянутого выше письма Вяземскому, написанного на л. 21) и ПД 106 имеются рисунки, атрибутированные как портреты Н. Д. Киселева (см.: АПСС. Т. 7. С. 984; примеч. Н. Л. Дмитриевой).

14 июня 1828 года Киселев уезжал из Петербурга: он был назначен секретарем при российском посольстве в Париже, но перед этим был отпущен для лечения в Карлсбад, а затем должен был ехать в Вену и к театру военных действий в Турцию, чтобы состоять при графе К. В. Нессельроде.[8] Провожая приятеля на почтовой станции Стрельна, Пушкин набросал в его записной книжке свой автопортрет и записал под ним цитированное выше четверостишие.[9] Вот все, что мы знаем об этом тексте на сегодняшний день.

Аринштейн Л. М. Знакомство Пушкина с «сестрой игрока des eaux de Ronan» // Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982. С. 112; Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 389.

[7] «Пока Киселев и Полторацкие были здесь, я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом

А в ненастные дни собирались они
часто.
Гнули, <- - - -> их <- - ->! от 50-ти
на 100.
И выигрывали и отписывали
мелом.
Так в ненастные дни занимались они
делом»

(XIV, 26; см. также: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 399). Воспоминание Киселева о его встречах с Пушкиным в это время приведено в мемуарах А. О. Смирновой-Россет: «A P<eters>bourg je vivais beaucoup dans la société de Pouchkine...» (*Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 248; перевод: «В Петербурге я часто бывал в обществе Пушкина...» (*франц.*); следует, впрочем, иметь в виду сомнительную достоверность этого источника, см.: Там же. С. 681—682 (примеч. С. В. Житомирской)).

[8] *Оленина А. А.* Дневник. Воспоминания. С. 165—166 (примеч. А. Л. Агамалян и В. М. Файбисовича). См. также замечание Пушкина в письме к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1828 г.: «Но теперь мы все разбрелись. Киселев, говорят, уже в армии...» — и в черновике этого письма: «Галиц<ын> пустился в русск<ие> <?> стихи, Junior и Киселев в дорогу, а я в распутство» (XIV, 26, 266).

[9] Автограф ПД 905, л. 21 — беловой, карандашом, в записной книжке Н. Д. Киселева, на одном развороте со сделанным на л. 20 об. карандашным автопортретом Пушкина, с пометой под текстом: «14 июня 1828 / Стрельна» (к числу рукой Киселева приписана дата по новому стилю: «14/26»). Напечата-

Историко-литературный контекст послания никогда не становился предметом специального исследовательского внимания — по очевидным причинам. Содержание короткого экспромта «на случай» легко читается как отсылка к ситуативным обстоятельствам: приятелю, отъезжающему на южный курорт, советуют не забывать о друзьях, оставшихся на «севере», в Петербурге, и заверяют, что те с нетерпением ждут возобновления совместного веселья. Иными словами, перед нами пример автоматического письма, не предполагающего специальных авторских эстетических и риторических усилий или пристальной содержательной рефлексии. Между тем именно такое письмо зачастую актуализирует устойчивые элементы имеющегося у автора под рукой творческого арсенала. Иногда у подобных текстов даже обнаруживаются конкретные источники,[10] однако если таковые не находятся, комментаторского усилия, как представляется, заслуживают социальные, жанровые и языковые контексты, которые обусловливают форму и образы спонтанного поэтического высказывания и проясняют его смыслы. Это и составляет задачу моей статьи.

ЗДОРОВЬЕ И СВОБОДА

«Здоровье и свобода», предполагаемый предмет исканий адресата послания, не случайно упомянуты в первом стихе вместе. В пушкинское время они входили в перечень обязательных условий человеческого счастья и благополучия.

Главным залогом идеального здоровья была умеренность, которой следовало придерживаться во всех аспектах жизни. Она обеспечивала баланс составляющих организма,[11] свободную циркуляцию

но: Новые стихи А. С. Пушкина // Русский архив. 1874. № 6. Стб. 1579 (публ. П. С. Киселева). Воспроизведено: *Цявловская Т. Г.* Рисунки Пушкина. М., 1980. С. 376; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М., 1996. Т. 18 (доп.). С. 42. Поскольку Киселев должен был проезжать через Дерпт, Пушкин передал с ним письмо Н. М. Языкову, содержащее адресованное последнему стихотворение (**«К Языкову» («К тебе сбирался я давно...», 1828)**), в ст. 6 которого также упомянуто имя Киселева.

[10] Примером может служить пушкинское послание «To Dawe, Esqr.» («Зачем твой быстрый карандаш...», 1829), также написанное по случаю, однако имеющее близкий претекст — мадригал Вольтера «К мадам де Помпадур, делающей рисунок головы» («A Madame de Pompadour, dessinant une tête», 1745) (см.: *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 569).

[11] См., например: «Ariste, par sa sobriété, entretient en lui l'équilibre et l'harmonie de toutes les parties de son être, équilibre et harmonie qui sont pour ainsi dire

Пушкинский кабинет ИРЛИ

его животных духов. В этом смысле использует выражение «свобода духов» шотландский врач Джордж Чейн (Cheyne; 1672—1743) в своем влиятельном, многократно переиздававшемся «Трактате о здоровье и долголетии» (впервые опубл. 1724), неоднократно упоминая это словосочетание в тесной близости со «здоровьем»:

> My <...> friend <...> desired of me to draw up some instructions in writing to direct him in the conduct of his health for the future, and in the manner of supporting his spirits free and full...
>
> ...preserve their health and freedom of spirits more entire and to a longer date.[12]

Таким образом, в популярном медицинском нарративе «здоровье» и «свобода» образуют единство на уровне физиологической терминологии.

Это, однако, не единственный контекст, помогающий уточнить смысл занимающей меня формулы. В XVIII — первой трети XIX века граница между медициной и моральной философией была непрочной: предполагалось, что страсти манифестируют себя на уровне физиологических феноменов, а телесные гуморы, в свою очередь, оказывают непосредственное влияние на душевное состояние, воображение и эмоции. Пример такого синтеза — одна из стихотворных нравоучительных максим в тексте Жана-Батиста Бланшара (Blanchard; 1731—1797), где результатом трезвого и умеренного образа жизни предстает единство свободы духа и телесного здоровья:

---

l'essence de la santé» (*Beaurieu G. G. de*. Le faux philosophe, discours à M. J. J. Rousseau, citoyen de Genève. Paris, 1763. P. 21—22; перевод: «Арист воздержанностью поддерживает равновесие и гармонию всех частей своего существа, равновесие и гармонию, которые, если можно так выразиться, составляют суть здоровья» (*франц.*)). См. также длинный перечень преимуществ умеренности в трактате: *Saint-Pierre Ch.-I. Castel de*. Observation sur la sobriété. Paris, 1735. P. 15—16.

[12] *Cheyne* G. An Essay of health and long life. 2nd ed. London, 1725. P. XI, XIV; перевод: «Мой <...> друг <...> пожелал, чтобы я составил для него письменные предписания на будущее, как заботиться о своем здоровье и поддерживать полноту и свободу духов...»; «...сохранять здоровье и свободу духов в более полной степени и более долгое время» (*англ.*). Ср. те же фрагменты во французском переводе трактата Чейна: «Un de mes amis <...> me pria en partant de lui donner quelques instructions par écrit pour le diriger dans la conduite de sa santé à l'avenir, et la maniere de maintenir ses esprits libre et pleins...»; «...conserver leur santé, la liberté des esprits plus entiere et plus long-tems» (*Cheyne G.* Règles sur la santé, et sur les moyens de prolonger la vie. 2e éd., rév. Bruxelles, 1727. P. iij, viij).

Sobre pour le travail, le sommeil et la table;
Vous aurez l'esprit libre et la santé durable. [13]

В издании 1801 года поясняется: «Cette maxime renferme trois règles de conduite bien sages, et aussi importantes pour l'âme que pour le corps...»;[14] далее следуют подробные гигиенические предписания, раскрывающие и конкретизирующие ее смысл. Тому же принципу следуют и авторы соответствующих публикаций первой трети XIX века. К примеру, Александр Пужан (Pougens; 1772—1845) в сборнике рекомендаций «Искусство сохранять здоровье, жить долго и счастливо...» (опубл. 1825) так описывал преимущества здорового образа жизни:

> Jetez vos regards sur cet homme <...>. Peut-on, dans un corps plus dispos, jouir d'une plus grande liberté d'esprit, d'une plus parfaite égalité de caractère, preuve certaine du juste équilibre qui se trouve entre les humeurs et l'invariable régularité de leur mouvement? [15]

Описываемая формула счастья находила опору как в христианской,[16] так и в античной традиции.[17] В пушкинское время, однако,

---

[13] [*Blanchard J.-B.*] Le poëte des mœurs, ou les maximes de la sagesse: avec des remarques morales et historiques, utiles aux jeunes gens. Namur, 1771. T. 1. P. 3; перевод: «Если вы воздержанны в работе, сне и пище, / Ваш дух будет свободным, а здоровье — крепким» (*франц.*).

[14] *Blanchard J.-B.* L'École des mœurs, ou réflexions morales et historiques sur les maximes de la sagesse: Ouvrage utile aux jeunes gens et aux autres personnes pour se bien conduir dans le monde. 5e éd. Paris, 1801. T. 3. P. 257; перевод: «Эта максима заключает в себе три правила мудрого образа жизни, в равной степени важные и для души, и для тела...» (*франц.*).

[15] *Pougens M.-J.-F.-Alexandre*. L'art de conserver la santé, de vivre long-tems et heureusement, avec une traduction, en vers français, des vers latins de l'École de Salerne. Montpellier, 1825. P. 33—34 (2-я паг.); перевод: «Взгляните на этого человека <...>. Возможно ли в более бодром теле наслаждаться большей свободой духа, большей совершенной уравновешенностью нрава, определенным доказательством верного баланса между гуморами и неизменной регулярности их движения?» (*франц.*).

[16] См., например, ту же формулу в наставлении о воздержании во французском издании «Бесед о Деяниях апостольских» Иоанна Златоуста: «Vous aimez le plaisir sans doute, ne le cherchez pas ailleurs que dans la frugalité. Votre santé, votre liberté vous sont chères; soyez tempérants: vous jouirez de la santé, de la liberté d'esprit et de corps. C'est l'intempérance qui produit les dégoûts, les maladies, les servitudes de toute sorte, la ruine de la fortune par des dépences sans mesure» (*Guillon M.-N.-S.* Bibliothèque choisie des Pères de l'Église greque et latine ou Cours d'éloquence sacrée. Paris, 1827. T. 18. P. 76; перевод: «Вы, несомненно, любите наслаждение, ищите его лишь в воздержании. Ваше здоровье, ваша свобода вам дороги; будьте воздержанны: вы будете наслаждаться здоровьем и свободой духа и тела. Именно

Пушкинский кабинет ИРЛИ

она уже относилась к числу «общих мест», устойчивых и распространенных представлений, где здоровье и свобода как феномены соответственно физиологический и психологический тесно сопрягались в рамках рассуждений о мудро устроенной и благополучной жизни.[18] Свобода, понимаемая прежде всего как душевное равновесие, подразумевала независимость от болезней и телесных немощей, от потрясений необузданных страстей, от излишних социальных условностей и ограничений.[19] Требуемая для этого воздержанность, впрочем, не означала аскетизма: напротив, физическое здоровье и психологическая стабильность мыслились как необходимое условие, обеспечивающее человеку возможность наслаждаться дарованными жизнью удовольствиями. Эти воззрения и определяли философию и прагматику курортных оздоровительных мероприятий, которым собирался посвятить себя адресат пушкинского послания.

Основу медицинских и гигиенических процедур, обусловливающих оздоровительный эффект термальных источников, составляла все та же идея единства физиологии и психологии. Химические свойства минеральных вод не оказывали должного целительного действия на организм без соблюдения режима — свежего воздуха, правильной диеты и удаления от забот, препятствующих душевному равновесию. Филибер Патисье (Patissier; 1793—1863), автор «Путеводителя по французским минеральным водам» («Manuel des eaux minérales de la France...»; опубл. 1818), а также включенной

невоздержанность служит причиной неудовлетворенности, болезней, стесненности любого рода, она разрушает благополучие неумеренными тратами» (*франц.*)). В адресованных широкой публике околомедицинских изданиях первой половины XVIII в. забота о здоровье рассматривалась как важнейшая обязанность христианина, сопоставимая с заботой о спасении души, а советы касательно образа жизни подкреплялись религиозной риторикой. Так, упомянутый выше Джордж Чейн утверждал, что человек, нарушающий без должных на то оснований правила здоровой жизни, повинен в грехе самоубийства (см.: *Cheyne G.* An Essay of health and long life. P. 4—5).

[17] См., например, определение «le corps sain et l'esprit libre» («здоровое тело и свободный дух» — *франц.*), подразумевающее единство телесного и душевного благополучия, во французском переводе 7-й книги «Законов» Платона, где подробно описан образ жизни человека, посвятившего жизнь физическому и нравственному совершенствованию (Bibliothèque des anciens philosophes, contenant Les Loix de Platon. Paris, 1771. T. 6. P. 55).

[18] Подробнее о связи медицинской и философской мысли XVIII в. и о религиозно-моралистических аспектах физиологии см.: *Mauzi R.* L'idée du bonheur dans la littérature et la pensée françaises au XVIII siècle. Paris, 1960. P. 301—304.

[19] О содержании понятия «свобода» в философии счастья XVIII — первой трети XIX в. см.: *Мазур Н. Н.* «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...»: Источники и контексты // Пушкин и его современники. СПб., 2005. Вып. 4 (43). С. 384—385.

в фундаментальный «Словарь медицинских наук» пространной статьи «Минеральные воды», посвященной истории и современному состоянию европейских курортов и содержащей подробные рекомендации по использованию их в медицинских целях, писал, что желающие ощутить на себе благотворное воздействие термальных источников должны сознательно отрешиться от повседневных забот и печалей, предаваясь безмятежным радостям путешествия и общения:

> Que de malades abandonnés de tous les médecins ont trouvé la santé à des sourses minérales! <...> Mais, il faut l'avouer, combien cette action médicamenteuse des eaux n'est-elle pas secondée par le voyage, l'éloignement des lieux témoins des maux qu'on a soufferts, l'abandon momentané de toutes les affaires et de tout ce qui peut mettre en jeu une sensibilité trop active, <...> un air pur, un régime salutaire, la régularité <...> dans les heures du repas, le lever, le coucher, souvent même dans les plaisirs, les divertissemens? La vie active que les malades mènent aux eaux intervertit bientôt l'ordre de leurs idées, et les arrache aux affections tristes qui les minent sourdement.[20]

В подтверждение этих слов Патисье ссылается на медика Мишеля Бертрана (Bertrand; 1774—1857), который рекомендует направлять на минеральные курорты страдальцев, чье душевное состояние расстроено реальными или воображаемыми горестями,

---

[20] Dictionnaire de sciences médicales, par une société de médecins et de chirurgiens. Paris, 1819. Vol. 33. P. 451; перевод: «Сколько больных, от которых отказались все врачи, обрели здоровье на минеральных источниках! <...> Но признаемся, не способствуют ли во многом медикаментозному действию вод путешествие, удаленность от мест, напоминающих о перенесенных нами несчастиях, мгновенный отказ от всех дел и всего, что излишне возбуждает чувствительность <...> чистый воздух, здоровый режим <...> постоянство <...> часов отдыха, пробуждения, сна, часто даже удовольствий, развлечений? Деятельная жизнь, которую ведут больные на водах, вскоре меняет порядок их мыслей и исторгает их из печального, расстроенного состояния, которое их тяготит и истощает» (*франц.*). Ср. сходное замечание в другом руководстве: «Ces épanchemens de liberté et de la gaité concourent peut-être plus évidemment encore avec le régime, la soustraction des affaires habituelles, les mouvemens du voyage, la distraction, la dissipation, le déplacement, à l'efficacité des eaux minérales, que les eaux minérales elles-mêmes» (*Parmentier A. A.* Code pharmaceutique, à l'usage des hospices civils des secours à domicile et des infirmeries des maisons d'arrêt. Paris, 1811. P. 464; перевод: «Эти проявления свободы и веселья, особенно вкупе с режимом, забвением обыденных занятий, живостью путешествия, отвлечением, рассеянием, переменой мест, возможно, способствуют полезному действию минеральных вод больше, чем минеральные воды как таковые» (*франц.*)).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

и подтверждать авторитетом врачебного предписания обычный житейский совет сменить обстановку и развеяться:

> ...dans un monde nouveau, au milieu d'une foule mouvante, inoccupée, <...> affranchie d'affaires, libre de devoirs <...>! que les heures <...> se passent doucement! <...> que de tristes pensées ils détournent! que de momens d'inquiétudes et de découragement ils préviennent![21]

Таким образом, «свобода» в контексте курортного отдыха приобретала специфический смысл: это была свобода от повседневной рутины, от докуки службы или социальных обязательств. В гигиенических нарративах такой образ жизни находил медицинское физиологическое обоснование, однако в обыденных представлениях курорт зачастую представал источником развлечений, отнюдь не всегда отягощенных действительной заботой о здоровье. Карл Людвиг фон Пёльниц (Pöllnitz; 1692—1775), автор одного из первых курортных путеводителей «Развлечения на водах Спа» (1734), описывая свое времяпрепровождение на минеральных источниках, замечал, что его новые знакомые, как, впрочем, и он сам, искали на водах одних лишь развлечений, и свобода выбрать себе для этого компанию по вкусу привлекала на курорт, возможно, больше посетителей, нежели чудесные свойства целебных вод.[22] К свободе общения и непринужденности отношений подталкивали относительно замкнутое пространство, экзотическое смешение представителей разных социальных слоев, атмосфера рассеяния, притягивающая авантюристов, множество возможностей для флирта и романтических приключений. Все эти атрибуты «водяного общества» превратились в стереотипы и устойчиво упоминались в беллетристических сюжетах, действие которых происходило на минеральных курортах.[23] Процитирую в качестве иллюстрации небольшой фрагмент из

---

[21] *Bertrand M.* Recherches sur les propriétés physiques, chimiques et médicinales des eaux du Mont-d'Or, département du Puy-de-Dôme. Paris, 1810. P. VII; перевод: «...в новом мире, посреди оживленной толпы, не будучи обременены занятиями, отпущенные от дел, свободные от обязанностей <...>! сколько часов <...> проходят сладостно! <...> сколько печальных мыслей они отвращают! сколько минут беспокойства и уныния предупреждают!» (*франц.*).

[22] См.: *Pöllnitz K. L.* Amusemens des eaux de Spa: Ouvrage utile à ceux qui vont boire ces eaux minérales sur les lieux. Enrichi de tailles-douces, qui représentent les vues et perspectives du bourg de Spa, des fontaines, des promenades, et des environs. Amsterdam, 1734. P. 4.

[23] Подробнее об этом см.: *Китанина Т. А.* Две заметки о Пушкине и «кавказском тексте» // Пушкин и его современники. СПб., 2009. Вып. 5 (44). С. 241—246.

романа А.-Ф. Прево (Prévost; 1697—1763) «Мемуары и приключения знатного человека, удалившегося от света» (1728—1731), где рассказчик, описывая распорядок дня отдыхающих на британском курорте — бесконечные завтраки и обеды, прогулки, карточные игры и балы, — замечал:

> Je ne conseille point aux cœurs tendres d'aller à Tumbridge, à moins qu'ils ne soient défendus, comme moi, par la froideur de l'âge. Les belles femmes y sont en si grand nombre qu'elles se nuisent; l'une détruit l'impression de l'autre. Si l'on se sauve de ce dangereux pays, il semble qu'on n'ait plus rien à redouter après avoir résisté à tout ce qu'il y a de plus enchanteur et de plus séduisant sur la terre.[24]

Таким образом, первый стих пушкинского послания Киселеву строится на двусмысленности: он соединяет благонамеренное напутствие другу, отправляющемуся искать счастья, достойного мудреца (здоровья, душевного равновесия и покоя), с лукавым намеком на авантюрный характер предпринимаемого им путешествия. Впрочем, этот игривый парадокс — не единственный в стихотворении.

ВОДА И ВИНО

Пушкинское послание формально соответствует эпиграмматической структуре: двухчастной конструкции, состоящей из экспозиции и заключения, взаимодействие которых предполагает парадоксальное сопряжение противоположных понятий, топосов или отношений, создающее эффект остроумного высказывания (пуанта).[25] В стихотворении «<Н. Д. Киселеву>» пуант, как это часто случается, совпадает со второй частью (ст. 3—4). У нее два смысла. Первый — уже помянутый выше ситуативный (бытовой и прагматический): «поторопись с разъездами и возвращайся к друзьям». Второй — парадоксальный: «пить воду, чтобы пить вино» (III, 111); именно он и порождает пуант. В литературе пушкинского времени

[24] *Prévost D'Exiles A. F.* Mémoires et avantures d'un homme de qualité qui s'est retiré du monde. Paris, 1808. Vol. 3. P. 82—83; перевод: «Я ни в коем случае не советую людям с нежным сердцем отправляться в Танбридж, разве только они пребывают, подобно мне, под защитой своего хладного возраста. Прекрасные дамы там встречаются в таком множестве, что они затмевают друг друга; одна разрушает впечатление от другой. Если вам удастся спастись из этой опасной страны, вы неуязвимы, после того как устояли перед всем, что ни есть самого чарующего и соблазнительного на земле» (*франц.*).

[25] О риторико-поэтической конструкции эпиграммы см., например: *Добрицын А.* Вечный жанр: Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII — начала XIX века. Bern, 2008. С. 11—27.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

противопоставление воды и вина — исключительно широкий топос. Область исследовательского внимания, однако, представляется возможным сузить, если учесть контекст послания: Киселев отправляется на лечение, и вода («карлсбадские воды») здесь аналог лекарства. В XVIII — первой трети XIX века эпиграммы на тему предписанных врачом оздоровительных процедур, предполагающих отказ от вина или замену его полезным напитком — целебным настоем, ячменным отваром, бульоном или водой, — бытовали во вполне определенном спектре сюжетных вариаций, восходящих к двум источникам.

Первый — эпиграмма Македония Ипата из Палатинской антологии (AP XI, 61): больной сетует на ошибку врача, невежды и вредителя, который велел ему пить воду и запретил вино, не зная, что, по словам великого Гомера, именно оно дарует людям силу (последнее замечание — отсылка к «Илиаде», см.: Il., IX, 706).[26] По сведениям Дж. Хаттона,[27] на протяжении XVI—XVIII веков появилось четыре французских перевода этой эпиграммы: Жана-Антуана де Баифа (Baïf; 1532—1589), Пьера Тамисье (Tamisier; 1541—1591), Франсуа-Бернара Кокара (Cocquard; 1700—1771) и Шарля Саблие (Sablier; 1693—1786). Ситуация соперничества двух напитков, в которой именно вино оказывалось полезным для здоровья, варьировалась также в текстах из французских антологий, подражавших греческим. Например, в стихотворении Александра Лене (Lainez; 165?—1710) «Выздоровление» («La Convalescence»), вошедшем в «Новую французскую антологию» (1769), Бахус является к больному, которому в качестве лекарства прописаны бульон и отвар, относящиеся к разряду низменных напитков; болезнь отступает перед возмущенным Бахусом, смех, резвая игра и веселая сатира разливают вино, и румяное здоровье встречает героя со стаканом в руке.[28] В свою очередь, в эпиграмме «Прикованный к постели, старый друг стакана...» («Sur son grabat, un vieil ami du verre...», 1743) больной, страдающий от лихорадки, отказывается от хины и обращается к бургундскому, намереваясь утопить в нем болезнь.[29] Ситуацию выбора варьирует эпиграмма Ж.-Б. Руссо

[26] Оригинал и английский перевод см.: The Greek Anthology, with an English translation by W. R. Paton: In 5 vol. London; New York, 1918. Vol. 4. P. 100—101.

[27] *Hutton J.* The Greek anthology in France and in the Latin writers of the Netherlands to the year 1800. Ithaka; New York: Cornell University Press, 1946. P. 748.

[28] Nouvelle anthologie françoise, ou Choix des épigrammes et madrigaux de tous les poëtes françois depuis Marot jusqu'à ce jour. Paris, 1769. T. 2. P. 124.

[29] Опубл. в 1743 г. в «La Gasette d'Orléans» (см.: *Banderier G.* Le Poème du Quinquina et la poésie médicale de la Renaissance // Le Fablier: Revue des Amis de Jean de La Fontaine. 2001. № 13. P. 44). Впоследствии с незначительной ва-

«Некий пьяница после многих долгих трапез...» («Certain ivrogne après maint long repas...»): здесь врач намеревается избавить больного от лихорадки и жажды, на что тот объясняет, что дело врача — позаботиться о первой проблеме, а со второй он справится сам.[30]

Второй источник — эпиграмма Марциала (VI, 78) о пьянице, который, несмотря на угрозу слепоты и предостережения врача, сохраняет верность вину, причем последнее в финале также умозрительно делится на две разные субстанции: сам герой пьет вино, а его глазу достается яд.[31] Два хорошо известных читателям конца XVIII — начала XIX века поэтических переложения этого сюжета опубликованы, в частности, в приложении к корпусу французских прозаических переводов эпиграмм Марциала в трехтомнике 1819 года. Первый принадлежит, по-видимому, Пьеру де Марбефу (Marbeuf; 1595—1645),[32] второй — Ж.-Б. Руссо. Оба они неоднократно воспроизводились в антологических или нравоучительных сборниках XVIII — начала XIX века, а перевод Руссо — и в собраниях его сочинений.[33] Переложение Марбефа приближено к источнику, хотя финал изменен и выглядит так:

риацией перепечатывалось во французской периодике и собраниях стихотворных шуток и анекдотов (см., например: L'Improvisateur français, par Louis Sallentin. 1804. T. 9. P. 302; *Gardeton C.* La Gastronomie pour rire, ou Anecdotes, réflexions, maximes et folies gourmandes. Paris, 1827. P. 47). Сходный парадоксальный способ борьбы с подагрой как следствием пьянства выбирает герой включенной во «Французскую антологию» (1816) «Вакхической песни» («Chanson Bachique»), мотивирующий свою страсть к вину необходимостью изничтожить источник зла; в этом сюжете, впрочем, дилемма выбора между двумя напитками отсутствует (см.: *Larivière H.* Anthologie française, ou Choix d'épigrammes, madrigaux, portraits, épitaphes <...> anecdotes, bons mots <...> historiettes. Paris, 1816. T. 1. P. 64).

[30] *Rousseau J.-B.* Œuvres poétiques avec un commentaire par m. Amar. Paris, 1824. T. 2. P. 262.

[31] Оригинал и английский перевод см.: *Martial.* Epigrams / With an English Translation by W. C. A. Ker. London; New York, 1919. T. 1. P. 408—409.

[32] Авторство Марбефа упомянуто в изд.: *Le Houx J.* Vaux-de-Vire: Suivis d'un choix d'anciens vaux-de-vire, de bacchannales et de chansons, poésies normandes. Caen, 1821. P. 78; более надежный источник для атрибуции найти пока не удалось.

[33] Помимо упомянутого выше приложения к изданию переводов Марциала текст Марбефа напечатан, например, в изданиях: *Bordelon L.* Heures perduës et divertissantes. Amsterdam, 1716. P. 5; Bibliotheque de cour, de ville, et de campagne... Paris, 1746. T. 1. P. 124. Эпиграмматическую сказку Руссо в 1821 г. перевел П. А. Вяземский, несколько ее русифицировав (см.: «Русак в душе, орлиный почитатель...» — *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1880. Т. 3. С. 250). Указание на источник и сведения о публикации текста Руссо см.: *Добрицын А.* Вечный жанр: Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII —

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Il faut condamner la fenêtre
Afin de sauver la maison.[34]

Эпиграмматическая сказка Руссо значительно расширяет сюжет за счет длинного диалога слепнущего бургундского кюре с врачом, предписывающим пациенту «пить»: кюре, перебивая собеседника, снова и снова подтверждает согласие следовать указанию, пока не выясняется, что ему прописано пить настой; кюре именует настой ядом и отказывается; финал содержательно близок пуанту Марбефа. Возможно, это контаминация, и избранная Руссо комическая амплификация сюжета Марциала отсылает к сюжету Македония с его эксплицированным мотивом выбора из двух напитков.

Разумеется, было бы натяжкой непосредственно возводить пушкинское послание «<Н. Д. Киселеву>» к этой эпиграмматической традиции. Представляется, однако, что между ней и занимающим меня стихотворением есть связующее звено — и это все тот же описанный выше популярный медицинский контекст. Авторы соответствующих пособий и сборников рекомендаций не требовали от адептов здорового образа жизни полного отказа от вина и даже временами признавали его приятным на вкус и полезным для здоровья, если оно смешано с водой или потребляется в разумных пределах.[35] Злоупотребление им, однако, полагалось недопустимым, и опьянение служило примером невоздержанности и неумеренности в принципе. При этом в некоторых из упомянутых мной популярных медицинских текстов обнаруживаются параллели с описанными выше эпиграмматическими сюжетами. Так, Джордж Чейн рассуждает об опасном соблазне использовать крепкие напитки как лекарство — сначала от душевных страданий, а затем и от физического недомогания, вызванного самим «зельем»,[36] а Александр Пужан попросту

начала XIX века. С. 380; комментарий к изменениям, внесенным в сюжет Вяземским, см.: *Добрицын А.* О французских истоках русских стихотворных сказок: (Княжнин, Пнин, Вяземский) // Slavic Almanac: The South African Journal for Slavic, Central and Eastern European Studies. 2010. Т. 16. № 1. С. 88—89.

[34] Traduction en prose, et imitations en vers, nouvelles et complètes, avec texte latin en regard, des épigrammes de M. Val. Martial. Paris, 1819. T. 3. P. 522; перевод: «Приходится жертвовать окном, / Чтобы спасти дом» (*франц.*).

[35] См., например: *Pougens M.-J.-F.-Alexandre*. L'art de conserver la santé, de vivre long-temps et heureusement. P. 35.

[36] «It has very often raised in me the most melancholy Reflexions, to see even the Virtuous, and the Sensible <...> deaf to Reason and Medicine, to their own Experience, end even to the express Words of Scripture, that says, the Drunkard shall not inherit the Kingdom of Heaven. Did this bewitching Poison actually cure or relieve them, from Time to Time, something might be said to extenuate the Folly and Frenzy of such a Course. But, on the contrary, it heightens end enrages all their Symptoms and Sufferings <...> excepting the few Moments immediately after taking it down...»

цитирует переложение Марбефа из Марциала, сопровождая текст предостережением об опасных свойствах крепких напитков:

> Tout le monde sait que les ivrognes <...> se moquent du médecin qui leur dit de boire de l'eau. L'ivrogne est vraiment incapable de renoncer à sa passion effrénée pour le vin, quel que soit l'état de souffrance où il se trouve réduit.[37]

Для занимающего меня сюжета более важным, однако, представляется даже не наличие вероятных следов эпиграмматических сюжетов в популярных медицинских нарративах, а демонстрируемый этими сюжетами принцип травестии лекарских прескрипций. Если в эпиграммах, восходящих к Македонию Ипату, основанием выбора вина, а не воды в качестве лекарства служит ссылка на авторитет, то в переложениях Марциала, предпринятых Марбефом и Руссо, пуант строится на иронической рационализации выбора, на деле продиктованного пагубной привычкой; иначе говоря, страсть здесь маскируется под разум,[38] невоздержанность — под поступок рассуждающего здраво мудреца.[39] Думается, что к подобному парадоксу прибегает и Пушкин в шутливом послании Киселеву.[40] В кон-

---

(*Cheyne G.* An Essay of health and long life. P. 53; перевод: «Я очень часто погружался в самые печальные размышления, видя, что даже добродетельные и здравомыслящие <...> глухи к доводам разума и медицины, к своему собственному опыту и даже к недвусмысленным словам Писания, где говорится, что пьяница не наследует Царствие Небесное. Если бы это колдовское зелье действительно исцеляло их и доставляло облегчение время от времени, можно было бы как-то оправдывать глупость и безумство такого поведения. Но оно, напротив, усиливает и распаляет все их симптомы и страдания <...> исключая разве несколько мгновений сразу после глотка...» (*англ.*)).

[37] *Pougens M.-J.-F.-Alexandre*. L'art de conserver la santé, de vivre long-temps et heureusement. P. 244; перевод: «Все знают, что пьяницы <...> насмехаются над лекарем, который велит им пить воду. Пьяница действительно не может отказаться от небузданной страсти к вину, до какого бы страдания он себя ни довел» (*франц.*).

[38] См., например, мотивировку эпиграмматического пуанта у Марбефа: «Aveugle, je ferai connaître / Que j'obéis à la raison...» (Traduction en prose, et imitations en vers, nouvelles et complètes, avec texte latin en regard, des épigrammes de M. Val. Martial. T. 3. P. 522; перевод: «Ослепнув, я докажу, что следую законам разума...» (*франц.*)).

[39] Столь же иронически псевдорациональным оказывается также выбор в пользу вина, мотивированный намерением поскорее уничтожить его как источник зла или «утопить» в нем болезнь в соответствующих эпиграмматических сюжетах (см. выше).

[40] Добавлю, что употребление вина вместо воды на курортах входило в число занятий людей, приехавших на минеральные курорты ради развлечения; водяные процедуры, таким образом, явно не оказывали на них целительного действия. Об

Пушкинский кабинет ИРЛИ

це концов, возвращение к вину после лечения водой иронически травестирует тот самый принцип равновесия во всех сферах жизни, который, как было принято в общем мнении, и составлял необходимое условие счастья.[41]

Е. В. Кардаш

этом упоминается, например, в путеводителе Пьера-Жозефа де ла Пимпи-Солиньяка: «Les Allemands en général retirent peu de fruit des Eaux qu'ils vont boire à Schwalsbach, et il n'est pas difficile d'en pénétrer la raison. Les hommes de toute condition y observent peu de régime et boivent beaucoup de Vins...» (*La Pimpie Soligнac P.-J. de*. Amusemens des eaux de Schwalbach: des bains de Wisbaden et de Schlangenbad: avec deux rélations curieuses, l'une de la Nouvelle Jérusalem et l'autre d'une partie de la Tartarie indépendante. Liège, 1738. P. 23; перевод: «Немцы в целом извлекают мало пользы из вод, которые они приезжают пить в Швальбах, и причина очевидна. Люди, независимо от состояния, почти не соблюдают режим и пьют много вина...» (*франц.*)).

[41] Ср., например, рассуждение в подобном духе: «Je ne mettrai pas ici en opposition les buveurs d'eau et les buveurs de vin, pour savoir si les uns vivent plus long tems que les autres, s'ils sont moins assujettis à des indispositions, s'ils jouissent plus constamment d'une bonne santé: ces questions agitées depuis long tems ont été assez examinées par des Savans qui se sont accordés à avancer que l'excès de ces deux boissons étoit également dangereux...» (Bibliothèque physico-économique, instructive et amusante. Paris, 1788. T. 1. P. 194; перевод: «Я не стану здесь противопоставлять пьющих воду пьющим вино, чтобы выяснить, живут ли первые дольше, чем вторые, подвержены ли они недомоганиям в меньшей степени, наслаждаются ли они крепким здоровьем с большим постоянством: эти вопросы, обсуждавшиеся на протяжении долгого времени, уже достаточно исследованы мудрецами, которые пришли к единому заключению, что излишнее потребление обоих этих напитков в равной степени опасно...» (*франц.*)).

«ПИР ПЕТРА ПЕРВОГО»: ПОСЛЕДНИЙ «УРОК ЦАРЮ»?

«Петровский текст» оказался для Пушкина чрезвычайно неудачным: «Стансы» подорвали пушкинскую репутацию в его окружении; «Полтава» не имела успеха у читателей; «Медный всадник» был цензурован царем таким образом, что поэт отказался его печатать; «История Петра» также была не пропущена в печать уже после смерти автора. В 1840 году император Николай I не позволил публиковать текст пушкинских «Материалов», поданный ему В. А. Жуковским на рассмотрение, сочтя, что «рукопись издана

© Вера Проскурина, 2022
Пушкинский кабинет ИРЛИ

DOI 10.31860/0236-2481-2022-36-147-169